

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина»

На правах рукописи

Гаецкулов Эмиль Наилевич

**Особенности массовых политических протестов в Центрально-Азиатских
государствах: сравнительный анализ
(на материалах республик Казахстан и Кыргызстан)**

Специальность 5.5.2 – Политические институты, процессы, технологии

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Екатеринбург – 2024

Диссертационная работа выполнена на кафедре социальных и политических коммуникаций ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет»

Научный руководитель: **Дорожкин Юрий Николаевич**,
доктор философских наук, профессор

Официальные оппоненты: **Бахтуридзе Зейнаб Зелимхановна**, доктор политических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», профессор Высшей школы международных отношений;

Эбзеев Ахмат Аскербиевич, доктор политических наук, доцент, РГБУ ДПО «Карачаево-Черкесский республиканский институт повышения квалификации работников образования» (г. Черкесск), профессор кафедры общественно-научных дисциплин;

Зерчанинова Татьяна Евгеньевна, кандидат социологических наук, доцент, Уральский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ» (г. Екатеринбург), заведующая кафедрой регионального и муниципального управления.

Защита состоится «10» декабря 2024 г., в 11:00 на заседании диссертационного совета УрФУ 5.5.15.02 по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал диссертационных советов, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»: <https://dissovet2.urfu.ru/mod/data/view.php?d=12&rid=6427>

Автореферат разослан «___» ноября 2024 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат политических наук, доцент

Наронская Анна Гегамовна

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования связана с тем, что в последние годы в государствах, занимающих территорию северной части Центральной Азии, наблюдался масштабный рост политических протестов, что оказало заметное влияние на политическую систему и государственную политику этих стран, которые тесно связаны с Россией и занимают важное геополитическое положение. Поэтому актуальной исследовательской задачей является определение специфики современного массового политического протеста в странах этого региона. Среди последних для изучения, фундированной оценки текущих событий и подготовки научных обоснованных прогнозов развития политической ситуации выбраны республики Казахстан¹ и Кыргызстан (далее – республики), так как они являются наиболее типичными, информационно доступными, в них произошло значительно число политических протестов.

Изучение случаев массового недовольства в указанных странах дает возможность расширить научное понимание политического протеста, его особенностей и факторов.

Наконец, устойчивые противоречия между интересами рядовых граждан и системой власти в странах северной части Центральной Азии ведут к эскалации скрытых и явных конфликтов в обществе, политико-государственной дестабилизации, радикализации целых социальных групп, угрожают порядку на границах с Россией, что требует тщательного научного изучения с целью выявления и объяснения причинно-следственных связей и направленности политического протеста в республиках для проведения адекватных мер внутреннего и внешнего реагирования Российского государства.

Степень научной разработанности проблемы. Политические протесты в вышеуказанных республиках изучаются в рамках исследований массовых движений, политического поведения, политического участия, специфики политико-властных режимов.

К. Маркс предложил одно из наиболее широко используемых объяснений политического протеста². А. Лансело определил политическое поведение³. П. Лазарсфельд охарактеризовал специфику поведения избирателей⁴. Э. Даунс на основе экономических моделей доказал, что индивид рационально действует в политической сфере для достижения своей цели⁵. К. Бейме, Р. Далтон, П. Игнаци, А. Крувель, П. Мэйр, К. Госс, Р. Инглхарт, Р. Патнэм и другие проследили тенденцию снижения массовых движений в политическом протесте⁶. Г. Лебон,

¹ Многие географы относят западную часть Казахстана к Европе.

² Маркс К. Манифест коммунистической партии // Сочинения. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955. 615 с.

³ Lancelot A. L'abstentionnisme électoral en France. Paris: Armand Colin, 1968. 290 p.

⁴ Лазарсфельд П. Выбор народа: как избиратель принимает решение в президентской компании. Ульяновск: УлГУ. 2018. 151 с.

⁵ Downs A. Economic theory of democracy. Harper and Row, 1957. 320 p.

⁶ Крувель А. Теория «партий-картелей» неверна // Русский журнал. 2008. № 10; Beyme K. von Party Leadership and Change in Party Systems: Towards a Postmodern Party State? // Government and Opposition. 1996. Vol. 31. № 2. P. 149-150; Ignazi P. The Crisis of Parties and the Rise of New Political

Г. Тард и другие изучили поведение и психологию толпы, участвующей в политическом протесте⁷. Р. Тернер выявил возникновение новых моделей поведения, отличающихся от общепринятых, которые возникают в толпе в каждой конкретной ситуации⁸. С. Московичи, Х. Ортега-и-Гассет и другие добавили много важных теоретических положений, раскрывающих социопсихологическую мотивацию участников массовых протестных политических акций⁹. Б. Гинзберг, Т. Лоуи, М. Уэйр показали специфику современного политического участия, в том числе протестного¹⁰. С. Верба, А. Лейпхарт, Н. Най проанализировали факторы, отражающие социально-демографические характеристики действующих лиц в политическом протесте¹¹. С. Липсет установил взаимосвязь экономического роста в развитых демократических системах Запада с ростом демократически ориентированного политического участия¹². С. Барнс, М. Каазе и их соавторы исследовали новые формы политического участия, протестной активности¹³. Э. Хоффер показал специфику массового протестного движения¹⁴.

Р. Мертон в рамках конфликтологического подхода выявил необходимость нарушения «социального кодекса» в протестных движениях¹⁵. Т. Парсонс определил политический протест как элемент естественного движения общества к демократической форме правления¹⁶. Ч. Тилли показал, как накладываемые на граждан обременения ведут к недовольству, коллективным протестным действиям¹⁷. Дж. Шарп классифицировал 198 мирных способов выражения несогласия с действующей властью¹⁸.

Parties // Party Politics. 1996. Vol. 2. № 4. P. 550; Mair P. Continuity, Change and the Vulnerability of Party // West European Politics. 1989. Vol. 12. № 1. P. 177; Putnam R. D., Goss K. A. Introduction // Democracies in Flux: The Evolution of Social Capital in Contemporary Society. Oxford, 2002; Dalton R. J. Value Change and Democracy // Disaffected Democracies: What's Troubling the Trilateral Countries? Princeton, 2000. P. 252-269; Инглхарт Р. Модернизация и демократия // Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века. М., 2010. С. 170 – 172.

⁷ Лебон Г. Психология народов и масс. М.: Академический проект, 2011. 238 с.; Тард Г. Мнение и толпа // Психология толп. М.: Институт психологии РАН; Издательство КСП+, 1999. 416 с.

⁸ Turner R. Collective behavior. Prentice-hall. New Jersey, 1987. Pp. 35-50.

⁹ Московичи С. Век толп. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. 480 с.; Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2002. 509 с.

¹⁰ Ginsberg B., Lowi T., Weir M. We the People: An Introduction to American Politics. W. W. Norton & Company, 2012. 608 pp.

¹¹ Verba S., Nie N. Participation in America: Political Democracy and Social Equality. NY., 1972. P. 336; Leijphart A. Language, Religion, Class and Party Choice // Electoral Participation. A comparative analysis. L., 1988. P. 283 – 327.

¹² Липсет С. М. Политический человек: социальные основания политики. М: Мысль, 2016. 611 с.

¹³ Barnes S. H., Kaase M. et al. Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies. Beverly Hills, 1979. P. 524.

¹⁴ Хоффер Э. Человек убежденный: Личность, власть и массовые движения. М.: Альпина Нон-фикшн, 2017. С. 124.

¹⁵ Мертон Р. К. Социальная структура и аномия // Социология преступности. М., 1966. С. 299-313.

¹⁶ Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998. С. 108-109.

¹⁷ Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. М., 2009.

¹⁸ Шарп Д. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения. М., 2012.

З. Туфекчи исследовала современные формы и способы политического протеста в условиях цифровизации¹⁹. М. Олсон указал на рациональную мотивацию абсентеизма, объяснил этот феномен «проблемой безбилетника», постулировал «обязательность формализации объединений участников коллективного действия»²⁰. П. Пакстон определила степень давления рядовых граждан в форме массовых движений на поведение правящего класса²¹.

Г. О'Доннел довольно детально исследовал вновь образованные политические системы на основе большого сопоставительного анализа государственно-политической практики ведущих стран Южной Америки в условиях индустриализации²². В. Меркель и А. Круассан предложили концепт «дефектная демократия»²³. Г. Хейл исследовал трансформации политических систем в северной части Центральной Азии в период после распада Советского Союза²⁴.

А. Фисун определил специфику соединения политики экономических ресурсов и бюрократии в неопатримониальной системе²⁵. В. Гельман показал значение неформальных институтов и практик в постсоветских режимах²⁶. Ю. Левада исследовал фактор депривации как состояния общественно значимого недовольства²⁷.

И. А. Климов показал значение низкой респонсивности в политическом протесте²⁸. А. В. Кинсбургский и М. Н. Топалов указали на значение факторов слабости власти и ее раскола для превращения социального недовольства в масштабный политический протест²⁹.

В. Н. Пугачев, И. А. Савченко и другие исследовали политический протест через призму «цветных революций»³⁰. А. Юрьев предложил обобщающую классификацию потребностей, детерминирующих политическое поведение, в том числе в рамках политического протеста³¹.

¹⁹ Tufekci Z. The medium and the movement: Digital tools, social movement politics, and the end of the free rider problem // *Policy & Internet*. 2014. Vol. 6. Is. 2. Pp. 202-208.

²⁰ Олсон М. Логика коллективных действий. М.: Фонд Экономической Инициативы, 1995. 174 с.

²¹ Paxton P. Social Capital and Democracy: An Interdependent Relationship // *American Sociological Review*. 2002. Vol. 67. P. 256

²² O'Donnell G. Modernisation and Bureaucratic Authoritarianism. *Studies in South American Politics*. Berkeley: University of California Press, 1970.

²³ Даль Р. А. Полиархия: участие и оппозиция. М., 2010. С. 11.

²⁴ Hale H Regime Cycles Democracy, Autocracy, and Revolution in Post-Soviet Eurasia // *World Politics*. Vol. 58. Issue 1. October 2005. Pp. 133-165.

²⁵ Фисун А. А. К переосмыслению советской политики: неопатримониальная интерпретация // *Политическая концептология*. 2010. № 4. С. 172.

²⁶ Гельман В. Постсоветские политические трансформации (Наброски к теории) // *Полис*. 2001. № 1. С. 19.

²⁷ Левада Ю. А. Сочинения: Проблема человека. М., 2011. С. 177.

²⁸ Климов И. А. Респонсивность власти как баланс суверенитета и социальной поддержки // *Социолог. журн*. 2006. № 3/4.

²⁹ Кинсбургский А. В., Топалов М. Н. Два условия роста массовой протестной активности // *Россия реформирующаяся*. М., 2002. С. 279.

³⁰ Савченко И. А. Политический протест в современном обществе: технологический подход // *Теория и практика общественного развития*. 2012. № 2.

³¹ Юрьев А. И. Введение в политическую психологию. СПб.: СПбГУ, 1992. 232 с.

Тенденции политического протеста в современном Казахстане определили Е. А. Иванов, А. А. Керимов, С. Ю. Малков, Ю. В. Морозов, Г. Насимова, К. Смагулов и другие³².

Тенденции политического протеста в современном Кыргызстане выявили И. Д. Звягельская, Е. Ионова, А. Д. Мурзакулова, А. Темиркулов, Н. Шукуралиева и другие³³.

Анализ состояния научной разработанности проблемы, рассматриваемой в диссертации, позволяет сделать вывод, что в трудах большинства упомянутых выше специалистов, в основном, исследуется общая направленность политических протестов в отдельных странах северной части Центральной Азии, однако, не проводится сравнительный анализ форм и способов протестных действий в этих государствах с соответствующими обобщениями.

Актуальность, недостаточная научная разработанность и высокая практическая значимость определила выбор объекта, предмета, цели и задач исследования.

Объект исследования – массовые политические протесты в Казахстане и Кыргызстане.

Предмет исследования – специфика массовых политических протестов в Казахстане и Кыргызстане.

Цель работы – в процессе сравнительного исследования выявить и сопоставить общее и особенное в массовых политических протестах в Казахстане и Кыргызстане.

Задачи исследования:

- систематизировать современные теоретико-методологические подходы к исследованию массового политического протеста;
- рассмотреть факторы массовых политических протестов как предмет современного научного дискурса;
- определить специфику массовых политических протестов в Казахстане;
- выявить специфику массовых политических протестов в Кыргызстане;

---

³² Иванов Е. А., Малков С. Ю. Анализ уровня социально-политической нестабильности в Казахстане и Киргизии: современное состояние и прогноз // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. М., 2020. С. 592–614; Керимов А. А., Алещенко П. С. Анатомия политических кризисов на постсоветском пространстве (на примере январских событий 2022 г. в Казахстане) // СССР и его наследие: проблемы мировой политики и международных отношений: V Чempаловские чтения, посвященные 100-летию образования СССР: сборник научных статей и сообщений. Екатеринбург: УрФУ, 2023. С. 42–46; Морозов Ю. В. Внутренние и внешние факторы событий в Казахстане в начале 2022 года и возможные стратегии Запада и России в республике // Восточная Азия: факты и аналитика. 2022. № 1. С. 6–16; Смагулов, К., Насимова, Г. Анализ протестных настроений в западных областях Казахстана // Центральная Азия и Кавказ. 2016. Т. 19. № 3. С. 42–51.

³³ Звягельская И.Д. Протестный пейзаж и политические режимы (Арабские государства и страны Центральной Азии) // Уральское востоковедение. 2018. Вып. 8. С. 51–69; Ионова Е. О смене власти в Киргизии // Россия и новые государства Евразии. 2020. № 4. С. 73–86; Мурзакулова А. Д. Проблемы развития политических процессов в Кыргызстане. // Известия ВУЗов. Серия: социально-гуманитарные науки. 2011. № 4 С.26–31; Шукуралиева Н. Феномен цветных революций // PolitBook. 2017. № 17. С. 16–29; Temirkulov A. Kyrgyz “revolutions” in 2005 and 2010: comparative analysis of mass mobilization // Nationalities Papers. 2010. Vol. 38. № 5. P. 589–600.

- показать общее и особенное в массовых политических протестах в Казахстане и Кыргызстане.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в комплексном сравнительном исследовании массовых политических протестов в республиках Казахстан и Кыргызстан, в результате которого определены особенности массовых политических протестов в республиках Казахстан и Кыргызстан в современных условиях. Получены следующие основные результаты:

- систематизированы теоретико-методологические подходы к исследованию массовых политических протестов в современных политических системах северной части Центральной Азии;

- определены факторы массовых политических протестов как предмет современного научного дискурса;

- выявлена специфика массовых политических протестов в Казахстане;

- выявлена специфика массовых политических протестов в Кыргызстане;

- проведен сравнительный анализ, выявлены сходства и различия массовых политических протестов в Казахстане и Кыргызстане.

Положения, выносимые на защиту:

1. Под политическим протестом в данной работе понимается вид политического поведения и политического участия, сущностью которого является выражение резкого, порой радикального, недовольства деятельностью структур государственной власти. В широком смысле речь идет о неприятии государственной политики (экономической, социальной экологической и так далее); в узком – несогласии с организацией и функционированием собственно политико-властной сферы (форма правления, государственное устройство, политический режим, права и свободы человека и так далее), деятельностью конкретных политиков или чиновников. Протесты отличаются большим разнообразием (спонтанные, организованные, мирные, массовые и др.). Они выполняют социальные функции реагирования гражданского общества на неадекватную, с точки зрения протестующих, политику, осуществляют общественный контроль за деятельностью власти, обеспечивают обратную связь между государством и обществом.

Массовые политические процессы публичны, мотивированы, имеют активный тренд к масштабированию и высокой степени психоэмоциональной заряженности, нацелены на воздействие на власть, действия которой, по мнению протестующих, противоречат интересам определенных социальных групп, общностей или большинства общества. Вместе с тем, подталкивая власть к переменам, протестующие выражают лишь эмоциональную неудовлетворенность положением вещей, критикуют власть, не соглашаясь с ее политикой, своими действиями они скорее отрицают существующие реалии, чем предлагают некую альтернативную и конкретную программу этих будущих перемен. Массовые политические протесты несут в себе существенную разрушительную составляющую, они как бы расчищают «площадку» для возможных, уже рационально просчитанных вариантов дальнейших созидательных действий государства либо оппозиционных политических

акторов, ориентированных на реализацию артикулированных требований протестующих.

2. Протесты присущи всем политическим системам. В демократических государствах мирные политические протесты – это, как правило, естественное явление, имеющее легальность и легитимность в обществе и системе власти, политико-конституционное закрепление. Они не представляют угрозу для действующих политических систем, рассматриваются как способ их демократического совершенствования, улучшения качества государственной политики в интересах граждан, укрепления экономической, социальной и политической стабильности. В абсолютных монархиях, тоталитарных и авторитарных режимах протесты рассматриваются как нечто противоестественное, подрывающее конституционно-правовые основы государства, угрожающее национальной безопасности, а потому нуждающееся в политическом, нормативном и информационном пресечении и подавлении. В свою очередь, политические системы с преобладанием неформальных практик, особенно в государствах с неразвитой экономикой и низким уровнем жизни населения, сами создают наиболее благоприятную политико-режимную питательную среду для постоянных политических протестов.

3. На основе анализа выделены и систематизированы основные и общие для Казахстана и Кыргызстана факторы массовых политических протестов. К ним относятся:

- социально-экономическая нестабильность, диспропорции в развитии регионов, города и села;
- растущее социальное расслоение и неравенство, охватившее значительную часть населения (ключевыми выгодополучателями экономического роста в Казахстане стали олигархические группы, а не большинство населения);
- повсеместная коррупция, разъедающая общество;
- политический режим, исключавший реальное разделение властей и функционирование системы сдержек и противовесов, развитие институтов гражданского общества, демократические процедуры представительства и учета интересов всех социальных групп, реализацию прав и свобод граждан, разрешение возникающих конфликтов в рамках правового государства, демократически ориентированного политического участия и мирного выражения политического протеста, диалога и компромисса;
- раскол политических элит и внутриэлитная борьба;
- регионализм, клановость (включая силовые структуры) и неэффективность государственных институтов и государственной политики при запредельной бюрократизированности госаппарата;
- недовольство критической массы населения положением дел в стране, депривация, ощущение фрустрации и несправедливости, отсутствие возможности влияния общественности на государственную политику;
- чрезмерные препятствия и запреты для проявления гражданской активности, подавление всех форм политического протеста, нетерпимость к любым альтернативным инициативам оппозиции.

4. В процессе исследования выявлены следующие особенности политических протестов в современном Казахстане:

- неприятие власти Н. Назарбаева и его семьи, усталость от несменяемости власти;
- неоднородность и размытость состава протестующих, включенность исламско-экстремистских элементов;
- стихийный, во многом спонтанный, даже иррациональный характер протестов с плохо осознанными целями и средствами их достижения;
- преобладание в протестах психоэмоциональной составляющей над рационально-преобразующей программой требований и действий;
- отсутствие общенационального организующего начала в виде публичной политической силы (партии, движения) и авторитетного (харизматического) лидера;
- быстрый переход от социально-экономических требований к политическим, радикализация неконтролируемых протестов, использование разрушительных методов вандализма, криминального насилия и кровопролития.

5. В результате исследования установлены следующие особенности политических протестов в современном Кыргызстане:

- Кыргызстан – лидер среди стран северной части Центральной Азии по количеству и масштабу массовых выступлений граждан и групп интересов, стремящихся повлиять на политический процесс и принятие решений, а также изменить систему власти;
- массовые протесты проходили в рамках внутриэлитной клановой борьбы (в том числе в формате выборов) политиков запада и юга страны;
- протесты имели сразу политическую окраску, отличались волнообразностью, затяжным характером, перманентной незавершенностью и очередной сменой власти;
- массовое протестное движение использовалось системной политической оппозицией как инструмент давления на правительство «снизу», при этом «дивиденды» получают политические силы и их лидеры, а ставшие причиной волнений потребности общественности, как правило, остаются без должного удовлетворения;
- ведущей силой политического протеста часто выступали не политические партии, а периферийный патронаж, клиентелы, традиционные институты, которые обеспечивали массовую протестную мобилизацию; отмечалось участие в политическом протесте иностранных акторов;
- существенным фактором влияния на протесты оказала политическая культура населения Кыргызстана, которая сочетает современные и традиционные (региональные, клановые и родоплеменные) факторы социализации и общественной жизнедеятельности;
- протесты, при всём радикализме ожесточенности, характеризовались меньшим, чем в Казахстане, силовым давлением на протестующих, большей информационной открытостью, возможностью к самоорганизации и институционализации – были видны лидеры, мобилизационные организации, предлагались некие программы перемен;

- участниками массовых политических протестов в Кыргызстане стало все многонациональное население страны, в то время как в Казахстане – только этнические казахи.

6. Отмечая различия массовых политических протестов в Казахстане и Кыргызстане, необходимо видеть то общее, что их объединяет. Протесты в обеих странах происходили в контексте проблем постсоветского развития, транзита политических систем с неопределённым вектором дальнейшей трансформации. Вышеуказанные протесты не соответствовали современным стандартам демократического гражданского протеста. Насильственный характер действий как власти, так и ее оппонентов в ходе протестов свидетельствует о неразвитости демократических институтов, предусматривающих цивилизованные формы влияния на власть без насилия и крови путем конструктивного диалога, взаимных уступок и компромисса. В этих странах не сложилась консолидированная независимая оппозиция во главе с лидером, представляющим убедительную альтернативу действующей власти, что позволяет последней не принимать в расчет позицию и интересы своих оппонентов. При этом власть продемонстрировала неспособность быстро и адекватно реагировать на требования общества. С другой стороны, нельзя игнорировать незрелость экономических, социальных и социально-культурных факторов, традиционный регионализм и клановость. Сказалась известная патриархальность социальной структуры в Казахстане и Кыргызстане, а также присутствие в общественном сознании населения этих стран все еще сильных кланово-семейных, религиозных, племенных связей и интересов, которые сыграли важную роль в политических протестах.

Методология и методы диссертационного исследования Теоретико-методологической основой исследования являются положения, изложенные в трудах Р. Инглхарта, Х. Линца, Р. Мертона, Ч. Тилли, Э. Хоффера и других.

Основные методы исследования – наблюдение за поведением, неинституциональный и сравнительный, опросы граждан, моделирование, анализ и синтез, индукция и дедукция и другие. Наблюдение позволило изучить поведение протестующих и определить его специфику. Неинституциональный метод позволил определить особую роль структур власти и протестных организаций в ходе массовых выражений политического недовольства. Сравнительный анализ позволил сопоставить специфику казахстанского и кыргызского политического протеста.

Контент-анализ был полезен в осмыслении различных документов с учетом обстоятельств и времени их составления, позиций и установок авторов.

Эмпирическая база исследования включает в себя материалы СМИ, нормативные правовые документы, а также данные авторских исследований:

- 70 событий, относящихся к политическим протестам, на западе Казахстана и 92 события, относящихся к политическим протестам в Кыргызстане за период с 2012 по 2022 гг. (согласно каталогу ACLED);

- данные анонимного опроса 138 казахских и 156 кыргызских граждан о представлениях, сложившихся у них о политических протестах в их стране, а также об опыте их участия в таковых, подготовленных диссертантом лично на

условиях анонимности в июне-августе 2023 г. на основе стандартизированной анкеты, включающей 19 закрытых вопросов (с возможностью комментирования);

- 123 публикации медиа Казахстана («Караван», «Tengrinews», «Newtimes», «Fergana.ru», «Centrasia.ru», «Paruskg.info» и др.) и 156 материалов медиа Кыргызстана («Вечерний Бишкек», «АКИpress», «K-News»), а также интернет-ресурсов Fergana.ru, Azattyk.org, Centrasia.ru, и Paruskg.info по тематике политических протестов, обработанные с помощью ивент-анализа, контент-анализа, системного, сравнительного и неинституционального анализа; также рассматривались публикации российских СМИ («Новая газета» и сюжеты «Первого канала») с целью сопоставления ракурсов интерпретации случаев политического протеста.

Для решения задач диссертационного исследования базовая единица наблюдения – массовое политико-протестное событие – определено как ограниченный во времени и пространстве публичный акт выражения гражданами (не менее десяти человек) недовольства положением дел в стране (регионе, городе, а также на предприятии, если наличествуют политический контекст) и предъявления требований структуре власти и третьим лицам. Иными словами, для включения в каталог событие должно быть обусловлено политическими причинами, связано с раздражением граждан по поводу текущей повестки дня, произойти в определенное время, быть локализовано в четко очерченном общественном пространстве, содержать требования по изменению ситуации. В связи с назначением порога численности в 10 человек от каталога отсекаются одиночные пикеты, голодовки, флешмобы и другие немассовые формы мобилизации. Вместе с тем довольно низкий порог чувствительности позволяет одновременно отслеживать динамику форм коллективного протестного действия, оценивать их роль в развитии цикла протеста и делать замеры состояния мобилизации в определенный период.

При определении переменных для определения временной и пространственной локализации события используется правило, согласно которому выбираются такие показатели, которые позволяют, во-первых, без существенных затрат агрегировать (деагрегировать) данные о событиях и вывести их в нужный класс, что имеет особое значение исследования протестов на межрегиональном и национальном уровнях, состоящих из взаимосвязанных событий. Кроме того, это важно для четкого разграничения одних событий от других (например, введение условия о том, для разделения событий, временной промежуток между ними должен составлять не менее 24 часов), а также для определения продолжительности протяженных во времени событий.

На этапе организации процесса сбора и обработки данных о политико-протестных событиях определяется список источников информации, правила кодировки и хранения, составляется протокол действий в ситуациях неоднозначности. Выбор источников информации – это значительная и проблематичная задача, т.к. от него прямо зависит характер смещения в данных.

Оптимальным источником для решения задач диссертационного исследования стали СМИ, а также сводки МВД Казахстана и Кыргызстана. Для

решения проблем смещения использовались только итоговые выпуски ежедневных изданий.

Автор использовал каталог событий, составленный специалистами ACLED. Это открытый и свободный проект по сбору, анализу и составлению карт протестных событий с разбивкой по категориям. ACLED собирает даты, действующих лиц, места, погибших и типы всех зарегистрированных случаев политического насилия и акций протеста по всему миру³⁴.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в том, что авторские выводы дополняют современные знания о политическом протесте в Казахстане и в Кыргызстане, а также в возможности использования их в текущей и планируемой деятельности органов государственной власти и управления Казахстана, Кыргызстана, России и других стран.

Апробация результатов исследования состоялась в трех публикациях в журналах из перечня ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ объемом в 1,5 п.л., а также на Всероссийской научно-практической конференции «Современное российское общество: социально-политические тренды и вызовы» (04.12.2020, Ярославль), Всероссийской (национальной) научно-практической конференции «Актуальные проблемы совершенствования системы государственного и муниципального управления в условиях возрастающей роли этноконфессиональных факторов» (15.12.2020, Уфа), XII Всероссийской научно-практической конференции «Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы» (11.11.2021, Москва), Международной научно-практической конференции «II Соловьевские историко-философские чтения «Россия и мир: осмысление опыта и перспектив диалога культур. К 300-летию Российской империи» (1-2.12.2021, Москва) и др.

Структура исследования включает в себя введение, две главы, заключение и список литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы, характеризуется степень ее разработанности в научной литературе, формулируются цель и задачи исследования, определяются методологические принципы, даются положения, выносимые на защиту, отмечаются новизна, теоретическая и практическая значимость диссертации, показывается апробация ее основных идей и результатов.

Первая глава «Теоретико-методологические основы исследования массового политического протеста» посвящена рассмотрению основных современных теоретических взглядов на феномен политического протеста (§ 1) и определению движущих сил массовых политических протестов (§ 2).

---

³⁴ About ACLED [Электронный ресурс]. URL: <https://acleddata.com/about-acled/> (дата обращения: 30.04.2023).

В первом параграфе «Понятие массового политического протеста: подходы к изучению» анализируются понятия и концепции массового политического протеста.

Современное аналитическое рассмотрение политического протеста в политических системах северной части Центральной Азии основывается на трех теоретико-методологических подходах. Первый – это концепции политического поведения и участия Э. Даунса, А. Лансело, Р. Инглхарта, Р. Мертона и другие. Второй – это раскрывающие специфику политического протеста теоретические положения Э. Хоффера, Ч. Тилли, Дж. Шарпа и другие. Третий – это неопатримониальный подход Ш. Эйзенштадта, А. Фисуна и другие. Интегративное сочетание этих теоретико-методологических оснований позволяет получить релевантные и достоверные выводы об особенностях политического протеста в странах северной части Центральной Азии.

В целом политический протест целесообразно рассматривать как вид политического поведения и политического участия, особенностью которого является выражение общественного недовольства деятельностью структур государственной власти, общим ходом дел, социально-экономическим состоянием и тому подобное.

Во втором параграфе «Факторы массовых политических протестов как предмет современного научного дискурса» выявляются и сопоставляются движущие сил массовых политических протестов.

Массовые политические протесты в политических системах северной части Центральной Азии – это борьба тех, кто фактически полностью отчужден от власти (возможности влиять на принятие решений) с теми, кто контролирует власть, теми, кто утратил доверие граждан, которые не могут достучаться до власти со своими накопившимися проблемами иными средствами, кроме уличных протестов. Вследствие такого характера взаимодействия власти и общества массовые политические протесты в указанных политических системах, во-первых, имеют крен в сторону стихийности, радикализации, насилия и разрушительности, участия в них маргинальных слоев, наиболее восприимчивых, внушаемых и податливых к воздействию манипулятивных технологий; во-вторых, как правило, не имеют четких требований по реконструкции власти, экономики, всех сфер общественной жизни; в-третьих, при достаточной масштабности и продолжительности, могут не только смягчить политический режим (принудить его к институциональной адаптации), но и подвергнуть его глубокой эрозии и разрушить саму автократию, осуществить транзит власти, смену политической элиты, форму правления и государственного устройства.

Можно выделить следующие основные общие для Казахстана и Кыргызстана факторы и причины массовых политических протестов. К ним относятся: социально-экономическое неравенство, размежевание между городом и селом, разделение религиозного (ислам) и светского, расколы внутри политического класса, внешнеполитическая ориентация.

В Казахстане, представляющем собой политически стабильное централизованное государство, влиятельную макрорегиональную экономику,

базирующуюся на эксплуатации природных ресурсов (на сырьевой ренте), отличающемся более высоким уровнем жизни, чем его соседи (за исключением России) большую роль сыграла операция по передаче власти от Н. Назарбаева к К.-Ж. Токаеву. Данное мероприятие было предпринято для решения застоявшихся социальных и экономических проблем. При этом первоначальным условием стало скрытое сохранение под контролем назарбаевского клана главных рычагов государственного управления. Однако в ходе трансфера власти случился сбой, возникли новые вызовы, политическая стабильность пошатнулась, что потребовало заметных перемен.

В Кыргызстане, который в отличие от соседнего Казахстана является небогатой страной с фрагментированным обществом, напротив, опасность политического застоя отсутствует, однако, есть явное злоупотребление уличными акциями, которые превратились в инструмент смены политической элиты вместо устойчивых демократических институтов и процедур, от чего обстановка в стране не может стабилизироваться. Отсюда во многом проистекает слабость киргизской экономики, неспособность грамотно использовать для блага страны такое преимущество, как большие залежи золота, которые оказались в руках иностранной компании на не очень выгодных условиях.

Во второй главе **«Сравнительный анализ массовых политических протестов в республиках Казахстан и Кыргызстан»** выявляются важнейшие особенности массового политического протеста в Республике Казахстан (§ 1) и Республике Кыргызстан (§ 2).

В первом параграфе **«Специфика массового политико-протестного движения в Республике Казахстан»** определяются и рассматриваются основополагающие специфические черты массового политического протеста в Казахстане.

При характеристике казахстанских массовых политических протестов установлено, что политическое пространство Казахстана практически закрыто для оппозиционных сил. Запреты на проведение без разрешения властей массовых собраний граждан и полная зависимость республиканских СМИ от правительства блокируют в общественном пространстве массовое или индивидуальное выражение какого-либо недовольства. Заседающие в Мажилисе формально оппозиционные казахстанские партии Казахстана, а также допущенные к выборам политические партии, находятся под контролем действующей власти и фактически связаны с правительством. Это хорошо известно для многих и вызывает недоверие в возможность изменить что-либо через голосование. Из-за этого все больше людей, выражая свое недовольство, предпочитают не участвовать в выборах, которые считают марионеточными. Некоторые из них примыкают к радикальным группировкам, использующим экстремальные методы политической борьбы. Так, с одной стороны, в электоральном поле Казахстана ширится абсентеизм, с другой – нарастает и усиливается политический радикализм.

Крупной проблемой для общественности Казахстана и одним из заметных источником протестных настроений является постоянно расширяющаяся и углубляющаяся коррупция, которая видоизменяется и принимает новые формы.

Специфическими чертами современного массового политического протеста в Казахстане, как показывает исследование, являются: инициирование по экономическому и трудовому поводам с дальнейшим присоединением политических мотивов; сильное давление на протестующих и нетерпимость к альтернативным голосам со стороны системы власти; кровопролитность; криминализация; радикализация на основе исламского фундаментализма; децентрализация и цифровизация; усталость от несменяемости власти; неоднородность и размытость состава протестующих; стихийный, во многом спонтанный, даже иррациональный характер протестов с плохо осознанными целями и средствами их достижения; отсутствие общенационального организующего начала в виде публичной политической силы (партии, движения) и авторитетного (харизматического) лидера; этническая однородность (подавляющее преобладание казахов).

Автор выделяет ряд общих черт в массовых политических протестах в Казахстане и Кыргызстане. Во-первых, протесты в обеих странах происходили в контексте проблем постсоветского развития, транзита политических систем с неопределенным вектором дальнейшей трансформации. Вышеуказанные протесты не соответствовали современным стандартам демократического гражданского протеста. Во-вторых, насильственный характер действий как власти, так и ее оппонентов в ходе протестов свидетельствует о неразвитости демократических институтов, предусматривающих цивилизованные формы влияния на власть без насилия. В-третьих, в этих странах не сложилась консолидированная независимая оппозиция во главе с лидером, представляющим убедительную альтернативу действующей власти, что позволяет последней не принимать в расчет позицию и интересы своих оппонентов. В-четвертых, системы власти этих стран оказались неспособны быстро и адекватно реагировать на требования общества. Наконец, в-пятых, в этих странах наличествует патриархальность социальной структуры, в обществах этих стран присутствуют сильные кланово-семейные, религиозные, племенные связи и интересы, которые сыграли важную роль в политических протестах.

Сейчас протестные движения пока не в состоянии представить положительную программу, привлекательную для большинства населения. До сих пор не достигнут консенсус среди участников протестов, нет общих делиберативных площадок.

Во втором параграфе «Специфика массового политико-протестного движения в Республике Кыргызстан» выявляются и анализируются особенности политического протеста в Кыргызстане.

Республика Кыргызстан является лидером среди стран Средней Азии по количеству и масштабу массовых выступлений граждан и групп интересов, стремящихся повлиять на политический процесс и принятие решений, а также изменить систему власти.

Автор выделил следующие тенденции политического протеста в Республике Кыргызстан. Первая тенденция состоит в том, что с увеличением своего интенсивности и масштаба политический протест теряет свою

действенность и значимость. Снижение влияния политического протеста на структуры власти подталкивает наиболее активных его участников у радикализации.

Вторая тенденция современного политического протеста в Республике Кыргызстан заключается в постепенной дифференциации массы участвующих в уличных акциях гражданских активистов по группам интересам и выдвигаемым требованиям. Наиболее сплоченными и дееспособными оказываются те, кто объединяется на основе местных узких интересов, - это, прежде всего, жители локальных сообществ, родственники и ближайшие сторонники местных лидеров, а также трудовые коллективы. Именно эти группы острее всех реагируют на ущемление своих прав, наиболее организованны, готовы к продолжительным и радикальным акциям и сильно мотивированы, в отличие от тех, кто выступает под более общими лозунгами социально-политических преобразований и борьбы с масштабными проблемами, которые, к тому же, не всегда находят поддержку у широкой общественности, отличающейся политической апатичностью.

Третья тенденция состоит в радикализации большей части политико-протестных выступлений. Эта особенность отмечалась выше, как характерная черта кыргызского политического протеста и как следствие снижения влияния протестующих. В ходе протеста возникают новые объединения активистов, к которым примыкают радикалы, привлекающие к себе наибольшее внимание. Часто эти новообразованные движения солидаризируются с требованиями системной политической оппозиции.

Несформированность гражданской культуры в Республике Кыргызстан детерминирует низкую результативность политического протеста. Еще одним негативным фактором является то, что общественность слабо влияет на текущую повестку. Во многом именно поэтому традиции гражданского политического участия в Республике Кыргызстан до сих пор не сформированы.

Кроме того, в республике до сих пор не оформилась подлинно самостоятельная и устойчивая оппозиция с положительной программой во главе с авторитетным лидером.

Эти обстоятельства позволяют кыргызским властно-политическим группам сохранять преимущества.

Естественное географическое разделение кыргызского общества усиливается политическими технологиями. При этом участники протестов, как северяне, так и южане, представляют собой стихийное движение, они мобилируются в ходе борьбы кланов чаще всего ситуативно, для решения текущих задач, без идейного обоснования.

В Кыргызстане, в отличие от Казахстана, городское население занимает заметно меньшее место. Кстати, даже в советский период существовали различия между городскими кыргызами и приезжими русскими, не преодоленными даже в ходе модернизации. В 1990-е гг. вследствие оттока русских произошло резкое уменьшение и без того не самого значительного числа горожан, особенно интеллигенции. Города заполнились сельчанами. Но если в Казахстане массив городских жителей не первого поколения был довольно

существенен и смог сохранить свое демографическое лицо и социальный статус, то в Кыргызстане в социальном измерении сегодняшний город во многом напоминает сельскую местность.

В связи с изложенным отметим, что собственный потенциал политического протеста в Кыргызстане невелик. Его мобилизационная самоорганизация находится на довольно низком уровне.

Сейчас протестные движения пока не в состоянии представить положительную программу, привлекательную для большинства населения. До сих пор не достигнут консенсус среди участников протестов, нет общих делиберативных площадок.

В ходе исследования выделены следующие особенности современного политического протеста в Кыргызстане: переутомление гражданских активистов от длительной политической мобилизации; снижение порога чувствительности граждан и правительства к протесту, который воспринимается как рутинное мероприятие; неспособность структур власти быстро и адекватно реагировать на требования общественности; перегруженность медиа многочисленными сообщениями о разных протестных акциях; недостаток компетентности у общественности, не осознающей значение того или иного выдвигаемого требования; постепенная дифференциация участвующих в уличных акциях гражданских активистов по группам интересов и выдвигаемым требованиям; радикализация большинства протестных выступлений, даже тех, которые начинаются с умеренных требований и не касаются крупных политических вопросов.

Примечательно, что кыргызские массовые политические протесты, при всей ожесточенности, характеризовались меньшим, чем в Казахстане, силовым давлением на протестующих, большей информационной открытостью, возможностью к самоорганизации и институционализации – были видны лидеры, мобилизационные организации, предлагались некие программы перемен. Кроме того, участниками кыргызских политических протестов стало все многонациональное население страны, в то время как в Казахстане – только казахи.

Сравнительные различия в современном политическом протеста в Казахстане и Кыргызстане состоят в неодинаковой интенсивности и охвате политического протеста (в Кыргызстане таковой выражается более сильно), в неодинаковости политических условий (в Кыргызстане у общественности заметно больше возможностей для самоорганизации), степени давления системы власти (в Казахстане прессинг гораздо более ощутим).

В **заключении** автор формулирует выводы и подводит итоги исследования. В качестве перспективных направлений изучения темы автор выделяет трансформацию форм политического протеста в условиях цифровизации; влияние региональных и местных особенностей (клиентелизм, клановость и так далее) на мотивацию и мобилизацию участников политического протеста; причины низкой эффективности политического протеста в странах северной части Центральной Азии.

Основные положения и выводы диссертации нашли отражение в следующих публикациях:

III. ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

а) статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК РФ и Аттестационным советом УрФУ:

1. Гаекулов Э. Н. Политический протест в цифровую эпоху: основные способы самоорганизации граждан // Общество: политика, экономика, право. – 2021. – № 7 (96). – С. 27–30. 0,42 п.л.

2. Гаекулов Э. Н., Дорожкин Ю. Н. Цифровая трансформация гражданского протестного участия в современной России // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2022. – 12(2). – С. 115–121. 0,33 п.л. / 0,4 п.л.

3. Гаекулов Э. Н. Особенности современного политического протеста в западных регионах Казахстана // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2023. – № 1 (74). – С. 97–101. 0,8 п.л.

4. Гаекулов Э. Н. Особенности современного политического протеста в Киргизской Республике // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2023. – № 5. – С. 75–80. 0,51 п.л.

б) другие публикации по теме исследования:

5. Гаекулов Э. Н. Новые медиа и политические протесты в цифровую эпоху // Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы: материалы XII Всероссийской научно-практической конференции: в 2-х томах. – Том. 1. – М.: РУДН, 2021. – С. 318–319. 0,06 п.л.

6. Гаекулов Э. Н. Особенности политического протеста в цифровом обществе // Возможности и угрозы цифрового общества: материалы Всероссийской научно-практической конференции; ред. А. В. Соколов, А. А. Фролов. – Ярославль: Цифровая типография, 2021. – С. 58–60. 0,22 п.л.

7. Гаекулов Э. Н. Особенности и перспективы политического протеста в современной России // Современное российское общество: социально-политические тренды и вызовы: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 30-летию факультета социально-политических наук ЯрГУ им. П.Г. Демидова. – Ярославль, 2021. 0,2 п.л.

8. Гаекулов Э. Н. Цифровая трансформация политического протеста в регионах современной России // Стратегическое развитие региона: проблемы, механизмы и факторы: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции в рамках I Махмутовских чтений. – Уфа: БАГСУ, 2022. – С. 144–147. 0,24 п.л.

9. Гаекулов Э. Н. Политический протест как фактор влияния на публичное управление в условиях цифровизации // Contribuția tinerilor cercetători la dezvoltarea administrației publice, guvernul Republicii Moldova academia de administrare publică materiale ale Conferinței științifico-practice internaționale, ediția a VIII-a, 25 Februarie 2022. – Chișinău, 2022. – P. 39–41. 0,25 п.л.